

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2017
XXVI

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1462
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XXVI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2017 № 1462

СОДЕРЖАНИЕ

2581-2592	Пространственно-видовая структура и численность водоплавающих птиц на водоёмах лесостепи Северо-Казахстанской области. И. А. ЗУБАНЬ, М. Н. КАЛАШНИКОВ, В. С. ВИЛКОВ
2592-2596	Новые трофические адаптации большого пёстрого дятла <i>Dendrocopos major</i> в зонах отдыха в Каркаралинском бору и случаи кормления птенцов хлебом. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ, И. С. ТАБОЛИНА
2597-2606	Вспоминая Эдуарда Ивановича Гаврилова (1933-2011). О. В. БЕЛЯЛОВ
2606-2612	Самурский дневник (памяти Алексея Васильевича Михеева, 1907-1999). А. Г. РЕЗАНОВ
2612-2614	Гнездящиеся гусеобразные торфоразработок Восточного Верхневолжья. Д. Е. ЧУДНЕНКО
2614-2615	Новый район зимовки урагуса <i>Uragus sibiricus</i> на восточном побережье Каспийского моря. Ф. Ф. КАРПОВ, В. А. КОВШАРЬ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e X X V I
E x p r e s s - i s s u e

2017 № 1462

CONTENTS

- 2581-2592 Spatial-species structure and abundance of waterfowl
on the likes of the forest-steppe of the North Kazakhstan
Oblast. I. A. ZUBAN, M. N. KALASHNIKOV,
V. S. VILKOV
- 2592-2596 New trophic adaptations of the great spotted woodpecker
Dendrocopos major in the recreation areas in the Karkaralinsky
forest and cases of feeding the nestlings with bread.
N. N. BEREZOVNIKOV, I. S. TABOLINA
- 2597-2606 Remembering Eduard Ivanovich Gavrilov (1933-2011).
O. V. BELYALOV
- 2606-2612 Samursky diary (in memory of Alexei Vasilyevich Mikheev,
1907-1999). A. G. REZANOV
- 2612-2614 Nesting anseriform birds of peat cultivations
in the Eastern Upper Volga. D. E. CHUDNENKO
- 2614-2615 The new wintering area of the long-tailed rosetfinch
Uragus sibiricus on the eastern coast of the Caspian Sea.
F. F. KARPOV, V. A. KOVSHAR
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Пространственно-видовая структура и численность водоплавающих птиц на водоёмах лесостепи Северо-Казахстанской области

И.А.Зубань, М.Н.Калашников, В.С.Вилков

Иван Александрович Зубань, Михаил Николаевич Калашников, Владимир Семёнович Вилков.
Кафедра общей биологии, Северо-Казахстанский государственный университет им. М.Козыбаева,
ул. Пушкина, д. 86, Петропавловск, 150000, Казахстан.
E-mail: zuban_ia@mail.ru; janajmwjakamd@mail.ru; vsvilkov@mail.ru

Поступила в редакцию 18 июня 2017

Северо-Казахстанская область, лежащая в пределах южной окраины Западно-Сибирской равнины, представляет собой край «бесчисленных» озёр и болот, различных по гидрографическим и химическим показателям, а также по степени и характеру зарастания жёсткой надводной растительностью. Озёрность Северо-Казахстанской области самая высокая в Казахстане и составляет около 4.62%. В тоже время на фоне прогрессирующего сельскохозяйственного освоения территории, начиная с 1960-х годов, водоёмы области претерпели очень сильные изменения, вызванные загрязнением поверхностных и подземных вод продуктами химизации сельскохозяйственных угодий, сокращением площадей водосборов и т.д. Всё это привело к регрессии и оскудению естественных природных экосистем и резкому сокращению их продуктивности, что приобретает особую актуальность, учитывая тот факт, что рассматриваемая территории является крупнейшим резерватом водоплавающих птиц Казахстана, где гнездятся, а также останавливаются на отдых во время миграций тысячи водоплавающих птиц, численность которых в последние годы очень сильно сократилась. Если до начала освоения целины численность птиц этой группы колебалась в пределах миллиона особей, то в 1966 году составила уже 880 тыс. (Исаков 1969), в 1972 – 500 тыс., в 1976 – 340 тыс. (Дробовцев 1977; Дробовцев, Вилков 1992), в 1988 – 300 тыс. особей (Вилков 1989).

С целью изучения современного состояния и закономерностей распределения водоплавающих птиц по типам водоёмов, а также дальнейшего сравнительного анализа с данными В.И.Дробовцева и В.С. Вилкова за период с 1973 по 1989 год, в полевые сезоны 2012-2015 годов авторами проведены полевые исследования на акватории 173 озёр, в границах 9 районов области (Аккайынского, Есильского, Жамбылского, Кызылжарского, М.Жумабаева, Мамлютского, Тайыншинского, Тимирязевского и Шал акына). Помимо авторов, в разные годы в сборе материала принимали участие С.Г.Гайдин, С.В.Губин, А.В.Красников.

Сбор полевого материала по биотопическому размещению и определению численности птиц осуществлялся с использованием точечного учёта с наблюдательного пункта, а также учёта с лодки. Все наблюдения велись с использованием 8-10× биноклей «Юкон» и «Wiking» а также подзорных труб с увеличением 20×60 и 20×100. Для определения птиц в крупных скоплениях использовалась фотосъёмка камерами Canon 660D, объектив 55-300 мм, Nikon D7100, 18-55 и 55-300 мм. Для определения типологии и степени зарастания водоёма использовалась аэрофотосъёмка с беспилотного летательного аппарата DJI Phantom 3 Professional а также Google-снимки последних лет.

Среди обследованных нами водоёмов были идентифицированы 5 типов по характеру и типу зарастания озёрной котловины: бордюрные, бордюрно-барьерные, бордюрно-куртинные, займища и горько-солёные озёра (табл. 1).

Таблица 1. Характеристика обследованных водоёмов
Северо-Казахстанской области в 2012-2015 годах

Тип зарастания	Число озёр	Площадь водоёмов, га	Площадь водоёмов, %
Бордюрный	40	9255	10,29
Бордюрно-барьерный	14	6075	6,75
Бордюрно-куртинный	59	18076	20,11
Куртинный	2	946	1,05
Займища	34	31713	35,28
Горько-солёные озера	24	23806	26,48
Итого:	173	89871	100

Бордюрные озёра

Озёра данного типа занимают наиболее важную часть в структуре биотопов водоплавающих птиц лесостепи, обеспечивая местами кормёжки, отдыха и линьки многие виды птиц, прежде всего, нырковых уток, для которых защитную роль играют не столько высокие тростниковые заросли, сколько обширные плёсы, где они чувствуют себя в безопасности (Дробовцев 1979). Мелководные зоны таких озёр, с обилием водорослей, используют и речные утки *Anas*. Иногда концентрация птиц достигает очень высоких показателей. Так, на озере Жалтыр (район Шал акына) в августе 2014 года было учтено 42557 птиц на площади 190 га. При этом плотность на 100 га составила 22398 особей. Основное количество было представлено речными утками: чирок-свистунок *Anas crecca* – 15400 особей, широконоска *Anas clypeata* – 12000 и серая утка *Anas strepera* – 7500. В рассматриваемый год плотность речных уток составила 7601 ос./100 га водной поверхности. В то же время, большинство водоёмов рассматриваемого типа характеризуются невысокой плотностью – от 3 до 402 птиц, причём наибольшие показатели приходятся на фазы высокого обводнения. Аналогичная ситуация была характерна и для 1986-1988 годов (Вилков 1989).

Общие ресурсы на бордюрных озёрах менялись за годы изучения следующим образом: в 2012 году – 985 птиц, в 2013 – 8383, в 2014 – 101795 и в 2015 – 91541. Состав населения озёр данного типа представлен 22 видами, относящимся к 5 отрядам (табл. 2).

Таблица 2. Ресурсы водоплавающих птиц на бордюрных озёрах в 2012-2015 годах

Виды	2012		2013		2014		2015	
	Ресурсы	%	Ресурсы	%	Ресурсы	%	Ресурсы	%
Gaviiformes	0	0	0	0	0	0	101	0.11
<i>Gavia arctica</i>	0	0	0	0	0	0	101	0.11
Podicipediformes	0	0	1550	18.48	6110	6	7433	8.11
<i>Podiceps nigricollis</i>	0	0	1550	18.48	347	0.34	7272	7.94
<i>Podiceps grisegena</i>	0	0	0	0	0	0	121	0.13
<i>Podiceps cristatus</i>	0	0	0	0	5763	5.66	40	0.04
Pelecaniformes	0	0	108	1.28	0	0	0	0
<i>Phalacrocorax carbo</i>	0	0	108	1.28	0	0	0	0
Anseriformes	985	100	6338	75.6	89367	87.8	79644	87
<i>Anser anser</i>	141	14.31	0	0	0	0	2545	2.78
<i>Cygnus olor</i>	0	0	0	0	0	0	3838	4.19
<i>Cygnus cygnus</i>	35	3.55	0	0	0	0	4525	4.94
<i>Tadorna tadorna</i>	0	0	0	0	0	0	1515	1.65
<i>Anas platyrhynchos</i>	0	0	0	0	0	0	808	0.88
<i>Anas crecca</i>	106	10.76	0	0	32087	31.52	0	0
<i>Anas strepera</i>	0	0	31	0.36	15758	15.48	1475	1.61
<i>Anas penelope</i>	0	0	0	0	9373	9.2	9918	10.83
<i>Anas acuta</i>	0	0	0	0	2500	2.45	0	0
<i>Anas querquedula</i>	0	0	0	0	3746	3.67	1717	1.87
<i>Anas clypeata</i>	0	0	0	0	25001	24.56	1232	1.34
<i>Netta rufina</i>	0	0	0	0	0	0	2666	2.91
<i>Aythya ferina</i>	422	42.84	6198	73.93	902	0.88	47952	52.38
<i>Aythya fuligula</i>	0	0	0	0	0	0	869	0.94
<i>Bucephala clangula</i>	0	0	108	1.28	0	0	586	0.64
Gruiformes	0	0	0	0	6318	6.2	4363	4.76
<i>Fulica atra</i>	0	0	0	0	6318	6.2	4363	4.76
ИТОГО	985	100	8383	100	101795	100	91541	100

Доминирующими во все годы были гусеобразные Anseriformes, доля которых менялась от 75.6 до 100%. Среди них выделялся красноголовый нырок *Aythya ferina*: он почти постоянно присутствовал в учётах и был самым массовым в следующие годы: 2012 – 42.84% от общих ресурсов, 2013 – 73.93% и 2015 – 52.38%. Лишь в 2014 году ситуация была совершенно противоположной, и вид был одним из самых малочисленных – 0.03%. Наибольшая численность в 2014 году была характерна для чирка-свистунка (36.02%), широконоски (28.06%) и серой утки (17.54%). Выделялись также: свиязь *Anas penelope* (10.52%), чирок-трескунок *A. querquedula* (4.21%) и шилохвость *A. acuta* (2.8%). Остальные виды были малочисленны и встречались нерегулярно.

Из других отрядов на бордюрных озёрах выделялись численностью представители отряда поганкообразные Podicipediformes. Их ресурсы увеличивались по мере повышения уровня водного зеркала: с 1550 особей в 2013 году до 3352 и 7433 в 2014 и 2015 годах, соответственно. В эти годы регулярно встречался лишь один вид – черношейная поганка *Podiceps nigricollis*. Но её численность и доля в населении были не постоянны: в 2012 году, при низком уровне водоёмов, она не встречалась, в 2013 году ресурсы составили 1550 особей, а доля внутри отряда 100%. В 2014 году, при среднем наполнении озёр, произошёл резкий спад её численности до 190 особей (5.7%), а доминирующим видом стала чомга *Podiceps cristatus* – 3162 особи, или 94.3%. В 2015 году численность *P. nigricollis* вновь возросла до 7272 особей (97.8%), тогда же была отмечена серощёкая поганка *Podiceps grisegena* (121 особь).

Лысуха *Fulica atra* встречалась только в многоводные годы. В 2014 году при численности 3467 особей её доля составила 0.21% от общего населения, а в 2015 – 4363 особи (4.76%). Плотность населения в среднем составляла 42 ос./100 га.

Из веслоногих Pelecaniformes встречался только большой баклан *Phalacrocorax carbo* и то лишь в начальной стадии наполнения водоёмов (2013 год) – 108 особей, а в период высокой фазы (2015 год) была зарегистрирована чернозобая гагара *Gavia arctica* – 101 особь.

Сравнивая видовой состав бордюрных озёр в середине 1980-х годов и в настоящее время необходимо отметить отсутствие хохлатой чернети *Aythya fuligula* в 2012-2014 годах, тогда как в 1986-1988 она встречалась постоянно и имела высокую долю в населении (10.9-21.1%). В 2015 году доля хохлатой чернети среди гусеобразных составила всего 1.1% (там же).

Бордюрно-барьерные озёра

Для озёр этого типа обычно характерна флуктуирующая численность населения птиц и его плотность. Одной из важнейших причин этого является значительная глубина озёрной котловины (котловина хорошо выражена, поэтому глубины быстро нарастают от берега, достигая 2-3-метровой отметки, на более крупных озёрах – 4-5 м), в силу чего динамика уровня водного зеркала водоёмов на разных этапах обводнённости не вызывает резких колебаний структуры и качества биотопов (Дробовцев 1979).

Водоёмы данного типа детально были обследованы лишь в маловодном 2012 году. В последующие годы, в ходе наполнения озёр, на большинстве из них узкая полоска тростника (барьер) скрывалась под водой, и они превращались в бордюрный тип. В указанный год было зарегистрировано 12 видов, относящихся к 4 отрядам. Общие ресурсы составили 265607 особей (табл. 3), при этом средняя плотность равня-

лась 441 птице на 100 га. Данный показатель примерно соответствует аналогичным за 1986-1988 годы, когда плотность на озёрах составляла 331-398 птиц на 100 га.

Таблица 3. Ресурсы водоплавающих птиц на бордюрно-барьерных озёрах в 2012 и 2014 годах

Виды	2012		2014	
	Ресурсы	%	Ресурсы	%
Podicipediformes	107795	40.58	229	94.23
<i>Podiceps nigricollis</i>	106415	40.06	0	0
<i>Podiceps grisegena</i>	172	0.06	0	0
<i>Podiceps cristatus</i>	1207	0.45	229	94.23
Pelecaniformes	172	0.06	14	5.77
<i>Pelecanus crispus</i>	172	0.06	0	0
<i>Phalacrocorax carbo</i>	0	0	14	5.77
Anseriformes	143669	54.09	0	0
<i>Anser anser</i>	10175	3.83	0	0
<i>Anas strepera</i>	1207	0.45	0	0
<i>Anas querquedula</i>	6209	2.33	0	0
<i>Aythya ferina</i>	101241	38.11	0	0
<i>Aythya fuligula</i>	11900	4.48	0	0
<i>Bucephala clangula</i>	11210	4.22	0	0
Gruiformes	4829	1.81	0	0
<i>Fulica atra</i>	4829	1.81	0	0
ИТОГО	265607	100	243	100

Самым массовым отрядом были гусеобразные – 54.09% от общих ресурсов (143669 особей). Среди его представителей своей численностью выделялись нырковые утки: красноголовый нырок – 70.46% (101241 особей), хохлатая чернеть – 4.48% (11900 особей) и гоголь – 4.22% (11210 особей). Похожая ситуация наблюдалась и в низкую фазу обводнения в 1986 году, когда доминирующими видами также были красноголовый нырок (25.2% от общего населения) и хохлатая чернеть (13.6%), а из числа содоминантов – гоголь (5%). Довольно многочисленными в 2012 году были ещё 2 вида: серый гусь – 3.83% и трескун – 2.33%. Средняя плотность гусеобразных в рассматриваемый год составила 19 птиц на 100 га. Значительные ресурсы на рассматриваемых озёрах были характерны и для поганок – 40.58% (107795 особей), массовой из которых была черношейная поганка – 40.06% (106415 особей). Значительно меньше было чомги – 1207 особей и совсем немного серощёкой поганки, лишь 172 особи.

Несмотря на то, что бордюрно-барьерный тип озёр, особенно в низкую и среднюю фазу наполнения, благоприятен для такого вида, как лысуха, её ресурсы были очень незначительными – всего 4829 особей (1.81%) при средней плотности 7 птиц на 100 га. В аналогичную фазу

обводнения в 1986 году доля этого вида составляла 36.5% от общего населения при средней плотности 121 особь на 100 га (Вилков 1989). Таким образом, ресурсы лысухи на озёрах данного типа за 30-летний период сократились более чем в 20 раз, при 17-кратном снижении плотности. Единично встречался на водоёмах кудрявый пеликан *Pelecanus crispus* – 172 особи или 0.06%.

В 2014 году был обследован лишь один водоём бордюрно-барьерного типа, на котором учтено только 2 вида водоплавающих птиц. Доля чомги составила 94.23%, а большого баклана – всего 5.77%.

Бордюрно-куртинные озёра

Озёра этого вида с незначительными глубинами котловин в гораздо большей степени, чем озёра выше описанного типа, подвержены изменениям структуры надводной растительности, прибрежных биотопов и кормовых ресурсов в результате колебаний уровня водного зеркала (Дробовцев 1979). Причём развитие указанных процессов хотя и взаимообусловлено, на разных стадиях обводнения может представлять рассинхронизованные явления, тем самым создавая предпосылки для оптимального состояния разных видов и даже групп растительных сообществ. Необходимо отметить, что прежде всего в процессе сокращения водной поверхности происходит наступление тростниковых зарослей на мелководные участки, в результате чего увеличивается степень зарастания, что в целом создаёт благоприятные условия видам тростникового комплекса, но до определённых пределов.

В процессе исследований была установлена зависимость изменения на разных стадиях обводнения видового состава, численности и соотношения населяющих бордюрно-куртинных озёра птиц. Общие ресурсы менялись за годы изучения следующим образом: в 2012 году – 12736 птиц, в 2013 – 65852, в 2014 – 18521 и в 2015 – 40032 (табл. 4), средняя плотность при этом соответственно равнялась 89, 447, 355 и 213 птиц на 100 га. Таким образом, самая высокая численность птиц отмечена в начале наполнения котловин. В маловодном 2012 году ресурсы птиц были самыми низкими, а в высокую фазу обводнения наблюдалось повышение численности водоплавающих птиц, но ниже максимальных показателей 2013 года.

Данный тип водно-болотных угодий является наиболее репрезентативным в видовом отношении. За годы исследований было зарегистрировано 24 вида водоплавающих птиц из 5 отрядов. В то время как в середине 1980-х годов в данном типе угодий было зарегистрировано только 19 видов. Самым многочисленным отрядом, как и на предыдущих типах, были гусеобразные (52.37-68.69%). В разные годы в структуре населения менялись доминирующие виды: в 2013 и 2015 годах преобладал красноголовый нырок, доля общих ресурсов в эти годы со-

ставляла 44.72% и 41.26% соответственно, при средней плотности 147 особей на 100 га. В 2012 году преобладающим видом была серая утка – 21.02% при плотности 31 птица на учётную площадь. В 2014 году отмечена высокая доля численности серого гуся – 14.48%, при средней плотности 138 птиц. Также можно отметить ещё 5 видов из гусеобразных, которые регулярно встречались и были заметны своим составом во все сезоны: лебедь-кликун, кряква, чирок-трескунок, широконоска и хохлатая чернеть.

Таблица 4. Ресурсы водоплавающих птиц на бордюрно-куртинных озёрах в 2012-2015 годах

Виды	2012		2013		2014		2015	
	Ресурсы	%	Ресурсы	%	Ресурсы	%	Ресурсы	%
Gaviiformes	0	0	110	0.16	11	0.05	98	0.24
<i>Gavia arctica</i>	0	0	110	0.16	11	0.05	98	0.24
Podicipediformes	709	5.56	15683	23.81	2267	12.24	5900	14.73
<i>Podiceps nigricollis</i>	210	1.64	15221	23.11	1048	5.65	4810	12.01
<i>Podiceps auritus</i>	0	0	22	0.03	0	0	0	0
<i>Podiceps grisegena</i>	315	2.47	286	0.43	439	2.37	432	1.07
<i>Podiceps cristatus</i>	184	1.44	154	0.23	780	4.21	658	1.64
Pelecaniformes	394	3.09	242	0.36	564	3.04	0	0
<i>Pelecanus crispus</i>	26	0.2	66	0.1	23	0.12	0	0
<i>Phalacrocorax carbo</i>	368	2.88	176	0.26	541	2.92	0	0
Anseriformes	6670	52.37	41676	63.28	10406	56.18	27500	68.69
<i>Anser anser</i>	1050	8.24	5727	8.69	2682	14.48	1178	2.94
<i>Cygnus olor</i>	158	1.24	44	0.06	0	0	0	0
<i>Cygnus cygnus</i>	368	2.88	485	0.73	142	0.76	412	1.02
<i>Tadorna tadorna</i>	0	0	22	0.03	80	0.43	304	0.75
<i>Anas platyrhynchos</i>	26	0.2	110	0.16	114	0.61	108	0.26
<i>Anas crecca</i>	289	2.26	0	0	1756	9.48	0	0
<i>Anas strepera</i>	2678	21.02	419	0.63	712	3.84	1728	4.31
<i>Anas penelope</i>	0	0	44	0.06	763	4.11	20	0.04
<i>Anas acuta</i>	0	0	0	0	148	0.79	338	0.84
<i>Anas querquedula</i>	656	5.15	2996	4.54	211	1.13	1109	2.77
<i>Anas clypeata</i>	158	1.24	44	0.06	757	4.08	1021	2.55
<i>Netta rufina</i>	0	0	0	0	40	0.21	501	1.25
<i>Aythya ferina</i>	578	4.53	29450	44.72	2141	11.55	16521	41.26
<i>Aythya fuligula</i>	709	5.56	859	1.3	421	2.27	1973	4.92
<i>Bucephala clangula</i>	0	0	1476	2.24	382	2.06	2258	5.64
<i>Oxyura leucocephala</i>	0	0	0	0	57	0.3	29	0.07
Gruiformes	2127	16.7	6806	10.33	5302	28.62	6538	16.33
<i>Fulica atra</i>	2127	16.7	6806	10.33	5302	28.62	6538	16.33
ИТОГО	12736	100	65852	100	18521	100	40032	100

Высокая доля ресурсов приходилась и на журавлеобразных. В низкую фазу обводнения общие ресурсы лысухи составляли 2127 особей при средней плотности 23 ос./100 га. Повышение уровня водоёмов в среднюю фазу вызвало увеличение числа общих ресурсов рассматри-

ваемого вида, когда они насчитывали 6806 птиц в 2013 году и 5302 в 2014, что в среднем почти в 3 раза больше, чем в 2012 году. Продолжающееся наполнение котловин в 2015 году повысило численность лысухи до 6538 особей при средней плотности 58 ос./100 га. Таким образом, в высокую фазу обводнённости плотность вида увеличилась в 2.5 раза по сравнению с низкой фазой.

Динамика численности поганок отличалась разнонаправленностью. Низкая доля общих ресурсов была отмечена в 2012 году – 5.56%, в 2013 году она резко возросла и составила 23.81%, то есть в 4 раза выше по сравнению с предыдущим годом. В 2014 году наблюдалось снижение численности до 12.24%, а в фазу высокой обводнённости произошёл небольшой рост доли в общих ресурсах – 14.73%. Почти во все сезоны доминирующим видом была черношейная поганка (5.65-23.11%). Исключением являлся 2012 год, когда самой массовой в отряде была серощёкая поганка – 2.47%.

Незначительной численностью отличались веслоногие (0.36-3.09%). Большой баклан и кудрявый пеликан встречались в низкую и среднюю фазу обводнения. В 2015 году видов этого отряда не отмечено.

Самая низкая доля ресурсов отмечена у гагар (0.05-0.24%). Чернозобая гагара в фазу низкой обводнённости не регистрировалась.

Займища

Водоёмы этого типа играют важную роль в формировании ресурсов водоплавающих птиц лесостепи Казахстана в годы с относительно благоприятными гидрологическими условиями. Изучение особенностей количественно-видового состава птиц на займищах представляется нам крайне важным в силу непрерывного увеличения площадей, занимаемых этими биотопами, что происходит в результате сбоя естественной ритмики обводнённости водоёмов лесостепной зоны, обуславливающей обмеление и зарастание тростниковых озёр с неизбежным переходом в описываемую категорию (Дробовцев 1979).

Займища были обследованы только в течение 2 лет (2014 и 2015). За летний период на них зарегистрировано 22 вида водоплавающих птиц из 3 отрядов (табл. 5). В 2014 году обследован лишь один водоём займищного типа, на котором было учтено только 2 вида водоплавающих птиц. Доля серой утки составила 66.68%, а серого гуся – 33.32%. В 2015 году общие ресурсы на займищах составили 9180 особей при средней плотности 56 птиц на 100 га, что более чем в 3 раза меньше по сравнению с плотностью в аналогичную фазу высокого наполнения в 1988 году, когда она составляла 188 птиц на 100 га.

Самым массовым отрядом были гусеобразные (71.89%). В тот год была высока численность красноголового нырка – 23.77%, в то время как в середине 1980-х годов нырковые утки были очень малочислен-

ны, при этом просматривалась тенденция к росту численности вида – в среднюю фазу обводнения (1987 год) она составляла 133 особи, а в фазу высокой обводнённости (1988 год) – 333 птицы. Таким образом, повышение уровня водного зеркала на водоёмах займищного типа благоприятствует росту численности красноголового нырка. Также в рассматриваемый сезон выделялись своей численностью ещё 2 вида: серый гусь (13.4%) и серая утка (6.38%).

Таблица 5. Ресурсы водоплавающих птиц на займищных озёрах в 2014-2015 годах

Виды	2014		2015	
	Ресурсы	%	Ресурсы	%
Podicipediformes	0	0	1114	12.13
<i>Podiceps nigricollis</i>	0	0	560	6.1
<i>Podiceps auritus</i>	0	0	78	0.84
<i>Podiceps grisegena</i>	0	0	365	3.97
<i>Podiceps cristatus</i>	0	0	111	1.2
Anseriformes	1789	100	6600	71.89
<i>Anser anser</i>	596	33.32	1231	13.4
<i>Cygnus olor</i>	0	0	137	1.49
<i>Cygnus cygnus</i>	0	0	117	1.27
<i>Tadorna tadorna</i>	0	0	104	1.13
<i>Anas platyrhynchos</i>	0	0	72	0.78
<i>Anas crecca</i>	0	0	78	0.84
<i>Anas strepera</i>	1193	66.68	586	6.38
<i>Anas penelope</i>	0	0	52	0.56
<i>Anas acuta</i>	0	0	378	4.11
<i>Anas querquedula</i>	0	0	476	5.18
<i>Anas clypeata</i>	0	0	78	0.84
<i>Netta rufina</i>	0	0	827	9
<i>Aythya ferina</i>	0	0	2183	23.77
<i>Aythya fuligula</i>	0	0	150	1.63
<i>Bucephala clangula</i>	0	0	98	1.06
<i>Oxyura leucocephala</i>	0	0	20	0.21
<i>Mergellus albellus</i>	0	0	13	0.14
Gruiformes	0	0	1466	15.96
<i>Fulica atra</i>	0	0	1466	15.96
ИТОГО	1789	100	9180	100

Незначительна была доля ресурсов лысухи – 15.96%. Схожий показатель для этого вида отмечен и в 1988 году – 16.6%. При этом средняя плотность вида в рассматриваемый сезон составила всего 12 ос./100 га, а в 1988 году данный показатель соответствовал 31 ос./100 га.

Наименьшая доля общих ресурсов на займищных водоёмах у отряда поганкообразных – 12.13%. В структуре этой группы выделялись 2 вида: черношейная поганка (6.1%) и серощёкая поганка (3.97%).

Горько-солёные озёра

Самая низкая доля ресурсов приходится на водоёмы данного типа. В среднем ресурсы за 4 года они составили 3330 водоплавающих при средней плотности 104 птицы на 100 га. Следует отметить, что в рассматриваемый сезон было обследовано очень мало водоёмов: по 2 в 2012 и 2013 годах и всего по 1 в 2014 и 2015. Поэтому роль типа в формировании ресурсов водоплавающих птиц выяснить в полной мере не удалось. В разные годы выделялись своей численностью следующие виды: в 2012 и 2015 годах – пеганка (64.66 и 100%), в 2013 – серая утка (95.71%) и в 2014 – лебедь-шипун (68.42%).

Также следует отметить крайне низкую видовую репрезентативность в рассматриваемый период. За все годы не было отмечено ни одного вида, который бы постоянно встречался на водоёмах данного типа. Состав населения горько-солёных озёр был представлен всего 7 видами гусеобразных. В середине 1980-х годов в летний период на горько-солёных озёрах учитывались 16 видов птиц при общей численности от 15301 до 53564 особей, при варьировании плотности 51-233 особи на 100 га в разные фазы обводнения. Специфика формирования количественно-видового состава населения водоплавающих птиц на рассматриваемых озёрах обусловлена, прежде всего, малыми глубинами – от 5-10 до 60-70 см и состоянием водоёмов других типов.

В целом, горько-солёные озера не представляют особого значения как места обитания и концентрации водоплавающих птиц (табл. 6).

Таблица 6. Ресурсы водоплавающих птиц на горько-солёных озёрах в 2012-2015 годах

Виды	2012		2013		2014		2015	
	Ресурсы	%	Ресурсы	%	Ресурсы	%	Ресурсы	%
<i>Anseriformes</i>	4233	100	5908	100	19	100	3161	100
<i>Cygnus olor</i>	0	0	0	0	13	68.42	0	0
<i>Cygnus cygnus</i>	0	0	228	3.85	6	31.58	0	0
<i>Tadorna tadorna</i>	2736	64.63	25	0.42	0	0	3161	100
<i>Anas strepera</i>	0	0	5655	95.71	0	0	0	0
<i>Anas penelope</i>	342	8.07	0	0	0	0	0	0
<i>Anas querquedula</i>	941	22.23	0	0	0	0	0	0
<i>Anas clypeata</i>	213	5.03	0	0	0	0	0	0
ИТОГО	4233	100	5908	100	19	100	3161	100

Таким образом, за 4 года было обследовано 5 типов водно-болотных угодий. Особую ценность для птиц среди них представляли бордюрные озёра, на которых суммарные ресурсы птиц достигали 96.1% (табл. 7). Анализ данных по распределению птиц показывает, что птицы расселяются на разных водоёмах в зависимости от пространственной струк-

туры степени их зарастания жёсткой надводной растительностью. При этом в водно-болотных угодьях разных типов численность и плотность птиц сильно варьирует.

Таблица 7. Ресурсы водоплавающих птиц на водоёмах различного типа

Тип зарастания	Ресурсы				
	Среднее	$\pm$ S.E..	min	max	Доля, %
Бордюрный	50676	53357	985	101795	22.35
Бордюрно-барьерный	132925	187641	243	265607	58.63
Бордюрно-куртинный	34285	24100	12736	65852	15.12
Займища	5484	5226	1789	9180	2.41
Горько-солёные озёра	3330	2480	19	5908	1.46

Анализ фактических данных по ресурсам водоплавающих птиц, полученных нами в ходе полевых исследований в 2013-2015 годах в Северо-Казахстанской области, а также их сопоставление с данными годовых отчётов областной территориальной инспекции лесного и охотничьего хозяйства (табл. 8) показал, что данные учётов охотничьих хозяйств крайне отличаются от наших, что говорит о завышении фактической численности птиц, из которой формируется лимит изъятия водоплавающих птиц к сезону охоты. Так, например, ресурсы серого гуся в среднем за 3 года в 7.5 раз превышают фактические, а ресурсы лысухи – в 7 раз. Завышенными оказались и ресурсы уток: в 2013 году в 6 раз, а в 2015 – в 3 раза.

Таблица 8. Ресурсы водоплавающих птиц в Северо-Казахстанской области летом 2013-2015 годов

Виды и группы птиц	2013 год		2014 год		2015 год	
	Наши данные	Данные инспекции	Наши данные	Данные инспекции	Наши данные	Данные инспекции
Серый гусь	5727	30827	3278	34909	4954	41354
Утки	47437	274022	98160	272412	102924	295382
Лысуха	6806	63613	11620	61752	12367	70259
Итого	78421	368462	113058	369073	143918	406995

Из приведённых данных следует, что в результате завышения численности в процессе проведения учётов охотничьими хозяйствами, увеличивается и количество птиц, подлежащих изъятию. Так, по нашим расчётам, лимит на область в 2016 году должен был составлять 34005 особей, а по данным охотничьих хозяйств – 77243 особи. Следовательно, превышение составляет 2.3 раза. Если перевести данное количество на наши данные, то доля изъятия составит не 15%, а 34%. Вследствие этого прирост не восполняет изъятие во время охоты, естествен-

ную и иную смертность, тем самым наносится неизгладимый ущерб популяциям рассматриваемых групп. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что охотничьим хозяйствам необходимо более ответственно подходить к проведению учётов, а территориальной инспекции лесного хозяйства и животного мира и другим организациям, контролирующим ведение охотничьего хозяйства и рациональное природопользование, следует регулярно контролировать их проведение.

Литература

- Вилков В.С. 1989. *Биология водоплавающих птиц лесостепи Северного Казахстана*. Дис. ... канд. биол. наук. М.: 1-360 (рукопись).
- Дробовцев В.И. 1977. *Водоплавающие птицы лесостепной зоны Северного Казахстана и пути их рационального использования*. Дис. ... канд. биол. наук. М.: 1-162 (рукопись).
- Дробовцев В.И. 1979. Типологическая классификация озёр Северного Казахстана и юга Западной Сибири // *Вопросы региональной географии Казахстана*. Алма-Ата: 73-80.
- Дробовцев В.И., Вилков В.С. 1992. *Животный мир Северо-Казахстанской области*. Петропавловск: 1-28.
- Исаков Ю.А. 1969. О состоянии ресурсов водоплавающих птиц СССР // *Ресурсы водоплавающей дичи в СССР, их воспроизводство и использование*. М., 3: 70-78.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск 1462: 2592-2596

Новые трофические адаптации большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* в зонах отдыха в Каркаралинском бору и случаи кормления птенцов хлебом

Н.Н.Березовиков, И.С.Таболина

Николай Николаевич Березовиков. Отдел орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.

E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Ирина Сергеевна Таболина. Караганда, Казахстан

Поступила в редакцию 19 июня 2017

В последние десятилетия посещение большими пёстрыми дятлами *Dendrocopos major* в поисках пищи птичьих кормушек в осенне-зимнее время уже стало обычным явлением в населённых пунктах во многих частях его ареала. Наряду с этим участились случаи их кормёжки в помойных ямах, на свалках пищевых отходов, мусорных контейнерах, а также кормление птенцов обнаруженным в них хлебом (Малышев, Попов 1979; Резанов 1990; Сирохин 1991; Фетисов 2015; Резанов, Резанов 2016). Представляют интерес некоторые кормовые адаптации

большого пёстрого дятла в рекреационных зонах, особенно в лесных санаториях и домах отдыха. В 2012-2017 годах подобные изменения в поведении дятлов наблюдались нами в Каркаралинском бору на территории дома отдыха «Шахтёр» у озера Пашино, которое находится южнее города Каркаралинска в восточной части Карагандинской области (Центральный Казахстан). Это место расположено в живописной гористой местности с выходами гранитов и сосняками как по склонам, так и по гребням. В луговых и степных межгорных долинах преобладают берёзово-осиновые леса (рис. 1, 2).

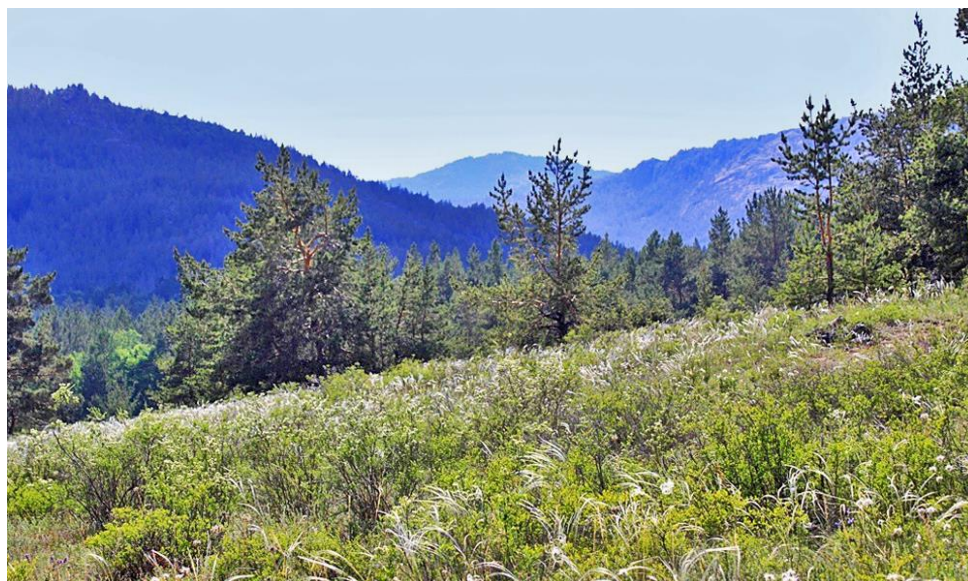

Рис. 1. Каркаралинский бор. 2 июня 2012. Фото И.С.Таболиной.

Рис. 2. Места обитания большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* в Каркаралинском бору. 2 июня 2012. Фото И.С.Таболиной.

Большие пёстрые дятлы обычны в бору в течение года. Осенью и зимой они регулярно посещают кормушки дома отдыха «Шахтёр», устроенные на соснах вдоль асфальтированной дорожки, по которой

прогуливаются отдыхающие, направляющиеся к озеру. Подкормка птиц здесь практикуется уже много лет и стала доброй традицией среди посетителей. После завтрака, обеда или ужина в столовой многие из них приносят остатки хлеба, наблюдают и фотографируют прилетающих птиц (рис. 3, 4).

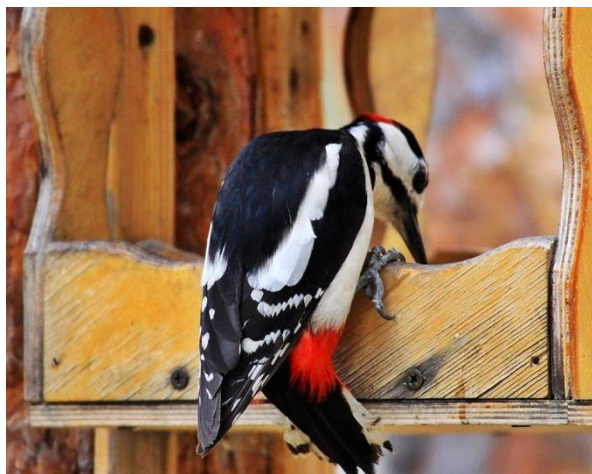

Рис. 3 (слева). Большой пёстрый дятел *Dendrocopos major* – характерный посетитель кормушек в Каркаралинском бору. Самец. 1 июня 2013. Фото И.С.Таболиной.

Рис. 4 (справа). Самка большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* ест семена подсолнечника на лоджии коттеджа. Каркаралинский бор. 2 июня 2016. Фото И.С.Таболиной.

Рис. 5. Один из приёмов извлечения семян подсолнечника путём прижимания их пальцами. Каркаралинский бор. 2 июня 2016. Фото И.С.Таболиной.

Особенно популярны такие экскурсии к кормушкам у детей, которые кроме хлеба приносят сюда семечки подсолнечника и фисташки, специально продающиеся в буфете в пакетах. Регулярными посетителями кормушек здесь являются большие синицы *Parus major* и большие пёстрые дятлы, реже – сороки *Pica pica* и галки *Corvus monedula*. Некоторые из них, особенно дятлы, оказались прикормленными настолько, что продолжали посещать кормушки в период размножения, а одна пара весной 2016 года выдолбила дупло в стволе сосны в десятке метров от одной из кормушек.

Рис. 6. Самец большого пёстрого дятла *Dendrocopos major*, собирающий хлебные крошки на асфальте. Каркаралинск. 3 июня 2016. Фото И.С.Таболиной.

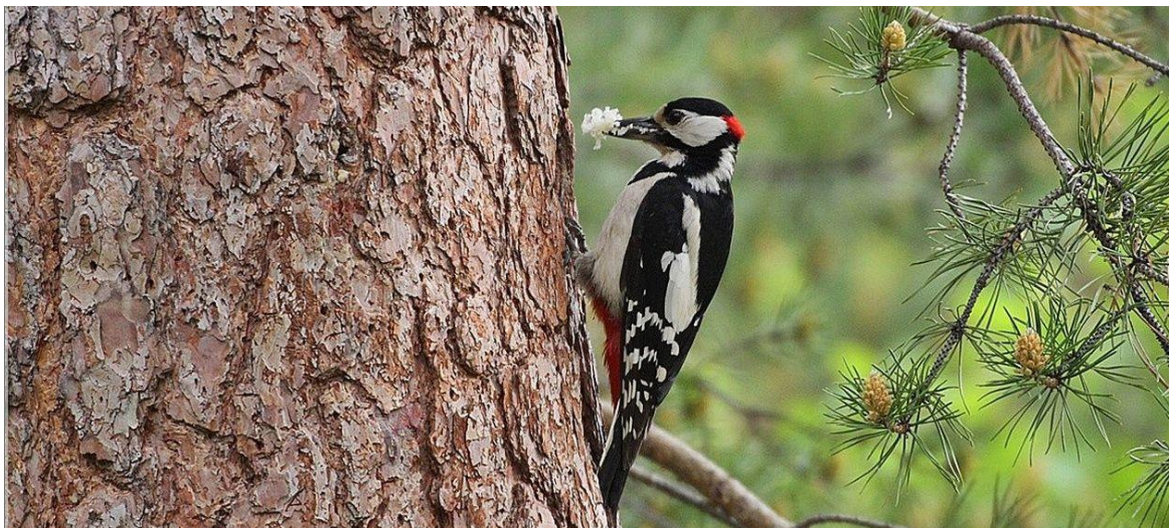

Рис. 7. Самец большого пёстрого дятла *Dendrocopos major*, принёсший хлеб птенцам в дупло. 3 июня 2016. Фото И.С.Таболиной.

Рис. 8. Самка большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* с кормом у дупла. 3 июня 2016. Фото И.С.Таболиной.

Примечательно, что с 29 мая по 6 июня 2016, когда в гнезде больших пёстрых дятлов находились оперяющиеся птенцы, обе птицы пары прилетали сразу же, когда в кормушке появлялся хлеб или другой корм. В ранние утренние часы, когда в кормушке отсутствовала пища, самка несколько раз прилетала к ближайшему заселённому людьми коттеджу и начинала громко и требовательно кричать. После того, как кто-нибудь из отдыхающих выносил и раскладывал на деревянных перилах открытой лоджии семена подсолнечника и орешки фисташки, она, прицепившись сбоку к перилам, сразу же начинала кормиться, расчлняя их на две половинки и извлекая зёрнышки. При этом птица прибегала к помощи лап, прижимая семечко пальцами (рис. 4, 5). В данном случае такое поведение дятлов можно характеризовать как выпрашивание корма, но оно имеет сугубо индивидуальный характер и, несомненно, свойственно лишь прикормленным особям.

Ещё более удивительными были случаи, когда самец дятла прилетал и начинал собирать хлебные крошки, мелко крошенные на асфальте пешеходной дорожки напротив кормушки. Набрав их полный клюв, он улетал гнезду и кормил ими птенцов. Явное предпочтение при этом он отдавал свежему «пушистому» белому хлебу, который уносил птенцам большими порциями (рис. 6-8). Иногда кормил птенцов очищенными семенами подсолнечника. Весной 2017 года эта пара поселились в глубине соснового леса, но продолжала прилетать за пищей на кормушку; 28 мая – 3 июня оттуда доносились громкие крики птенцов, просящих корм.

Интересно, что дятлы нередко конфликтовали у кормушки с белками *Sciurus vulgaris*. Преследовали и изгоняли их при появлении у сосны, в стволе которой было устроено дупло.

Л и т е р а т у р а

- Малышев Р.А., Попов М.А. 1979. Отношение большого пёстрого дятла к подкормке в гнездовой период // *Экология гнездования птиц и методы её изучения*. Самарканд: 134-135.
- Резанов А.Г. 1990. Кормовое поведение и некоторые аспекты экологии большого пёстрого дятла // *Экология животных лесной зоны*. М.: 85-96.
- Резанов А.Г., Резанов А.А. 2016. Поведение большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* при добывании кормов антропогенного происхождения: к вопросу об индивидуальной специализации // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1328): 3117-3123.
- Сирохин И.Н. 1991. Дятлы в урбанизированных ландшафтах Южного Предбайкалья // *Экология и фауна птиц Восточной Сибири*. Улан-Удэ: 162-172.
- Фетисов С.А. 2015. Необычный способ кормодобывания и вид корма в летнем рационе большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* в Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1158): 2215-2220.

Вспоминая Эдуарда Ивановича Гаврилова (1933-2011)

О.В.Белялов

Второе издание. публикация в 2014*

«Пойду, проверю паутинку»,— сказал Эдуард Иванович, скрываясь в зарослях тамариска. Вскоре он вернулся со счастливой улыбкой, держа в руках очередную славку-завирушку. Наблюдая неподдельную радость семидесятилетнего мэтра казахстанской орнитологии, у меня мелькнула мысль — ведь через его руки прошли десятки тысяч птиц и они всё ещё доставляют ему истинное удовольствие. «Посмотри, какая она необычная»,— сказал Э.И., протягивая мне добычу. В его огромных руках пичуга выглядела совсем маленькой, и я подумал, что это редкая пролётная *minula*. Мы оба не подозревали, что пойманная птичка окажется вторым казахстанским экземпляром загадочной *margelanica*, обитающей в высокогорной пустыне Цайдам на Тибетском нагорье.

Впервые я встретился с Э.И. в 1974 году на Большом Алматинском озере в Заилийском орнитологическом отряде, которым руководил Анатолий Фёдорович Ковшарь. Это была моя первая в жизни настоящая экспедиция — мечта любого юного натуралиста. И сегодня, попадая в те места, я каждый раз вспоминаю свои первые впечатления — холодный горный воздух, напоенный запахом елового леса, громкие флейтовые песни дроздов-деряб и встречи с профессиональными орнитологами. Поскольку наш стационар находился недалеко от Алма-Аты, очень скоро мне удалось познакомиться со многими орнитологами, которые не упускали случая, чтобы приехать «к Ковшарю». В один из дней, вернувшись с утреннего учёта, я увидел, что на скамейке у нашего домика вместе с Анатолием Фёдоровичем сидит незнакомый мне мужчина, одетый в полевую, выдавшую виды одежду. Внимательно посмотрев на меня, он улыбнулся и спросил у А.Ф.: «Опять пацана нового нашёл? Откуда они у тебя берутся?». Искренняя улыбка, которая в тот момент озарила его лицо, запечатлелась в моей памяти навсегда и осталась неотъемлемой частью его образа. Так мы и познакомились — заведующий лабораторией орнитологии Гаврилов и я — временный лаборант, закончивший 8-й класс. Приехал Э.И. не с проверкой, как обыкновенно бывает у начальства, а вырвавшись из городской суеты к своим любимым горным птицам. Здесь в 1960-е годы вместе Игорем Александровичем Долгушиным и Эвальдом Фёдоровичем Родионовым

* Белялов О.В. 2014. Вспоминая Гаврилова // Орнитол. вестн. Казахстана и Средней Азии 3: 234-240.

он занимался изучением гнездовой биологии местных видов, закрывая «белые пятна» в преддверии написания очерков для монографии «Птицы Казахстана». Видно было, что здешние места ему очень дороги. Рано утром Э.И. уходил с биноклем в горы, а возвращаясь, живо обсуждал с А.Ф. свои наблюдения. Я присаживался где-нибудь рядом, вроде бы для заполнения гнездовых карточек, а на самом деле с жадностью вслушивался в их разговоры о птицах. Собираясь уезжать в город, Э.И. решил показать несколько найденных им гнёзд и А.Ф. послал на эту экскурсию меня. Мы несколько часов ходили по окрестностям, посетив Серкебулак и Красивую поляну, сай Дербника и гору Мохнатку. По дороге обсуждали встреченных птиц, их песни и голоса. Мне было очень важно говорить на «одном языке» с настоящим орнитологом, всячески показывая свои познания в серинусах, фульвесценсах и немориколях. По наивности я не понимал, что прохожу строгий экзамен – настолько всё было интересно и непринуждённо. По возвращении Гаврилов сказал Ковшарю: «Смотри-ка, пацан зелёную от зарнички по позывке отличает». Меня это тогда даже немного обидело – все члены нашего отряда отличали фоновых птиц окрестностей по песне и позывке, это было само собой разумеющимся. Но после той экскурсии наше общение с Э.И. всегда было интересным и доброжелательным. А подоплёку фразы о голосах пеночек я понял только многие годы спустя.

В начале мая 1975 года я впервые попал на Чокпакский орнитологический стационар, как раз в дни массового пролёта испанских и индийских воробьёв. Это был самый расцвет Чокпака, когда здесь работал небольшой сплочённый коллектив. Изучение миграций стало одной из главных тем казахстанской орнитологии, и Э.И. к тому времени по праву был в лидерах этого направления не только в азиатском регионе, но и в Советском Союзе в целом. Здесь я увидел Гаврилова в его стихии. Ветер был благоприятный и огромные стаи воробьёв одна за другой залетали в ловушки, мгновенно заполняя ловчие ящики. Чокпакчане, забыв про майские праздники, бегали между ловушками и лабораторией, еле успевая надевать на пойманных воробьёв кольца. Даже белый пёс, у которого на боку родамином было написано «Да здравствует 1 мая!», поддавшись общей суматохе, носился по лагерю из стороны в сторону. Э.И. успевал быть везде и сразу – он кольцевал, взвешивал, измерял крылья и наравне со всеми носил ящики с пойманными птицами. А когда ветер стал опасно сильным для ловушек, он первым кинулся к тросам, чтобы опустить стенки и сохранить их от разрывов. В эти моменты он был строг и требователен ко всем без исключения и его громогласные команды оглашали окрестности стационара. Не помню, сколько тысяч птиц удалось окольцевать в тот день, но те несколько сотен, что прошли через мои руки, оставили о себе па-

мать на пару дней – каждый воробей ущипнул меня и пальцы сильно опухли. Когда ветер закончился и массовый лёт воробьёв прекратился, в ловушки стали попадаться всякие неведомые мне «редкости».

В одну из проверок ловчего ящика я увидел в нём необыкновенную трясогузку – вроде похожую на жёлтую, но с чисто белой головой. Решив, что мне посчастливилось обнаружить редкий случай частичного альбинизма, я побежал поделиться своей радостью с Э.И. Тогда я впервые обратил внимание на то, с какой уверенностью и в то же время аккуратностью и лёгкостью он манипулирует этим мелким беззащитным существом. Если слово нежность и можно употребить по отношению к Э.И., так это только в такие моменты, когда в его руки попадали какие-то особо интересные экземпляры. Увидев мой интерес, он прочёл мне целую лекцию об этой птичке. Тогда я впервые узнал, что эта белоголовая жёлтая трясогузка гнездится в Монголии, а для науки открыта самим Пржевальским. Конечно, в то время для меня было очень важно услышать и то, что в Казахстане она редкий гость и как сказал Э.И., выпуская окольцованную птицу: «Не каждый орнитолог её видел».

На фоне напыщенных «интеллигентов», нередко попадающихся в среде зоологов, Э.И. выглядел подчас несколько простоватым, и своими манерами не пытался произвести на окружающих особого впечатления, показать свою профессорскую значимость. Его обаяние было в другом – совершенно лишённый снобизма, он мог на равных беседовать даже с начинающими орнитологами, не выпячивая неопытность новичков. Речь его была очень правильной и по-особому сочной, без излишнего использования «умных» слов. Если он начинал волноваться, а это случалось часто, когда речь заходила о каких-то интересных моментах систематики или биологии птиц, непременно немного заикался. Собеседником Э.И. был замечательным. Для меня очень важным в нашем общении было то, что мы в основном и много говорили о птицах, что, по моему многолетнему опыту, большая редкость в орнитологических кругах. Много вечеров я провёл в домашнем кабинете Э.И. среди его непревзойдённой библиотеки. Здесь на диване под картиной американского орнитолога, на которой очень реалистично изображена стайка садж, летящих на фоне пустынных гор, в сизых клубах табачного дыма проходили наши беседы. Обманывая себя, Э.И. разламывал сигареты без фильтра и выкуривал половинки, видимо утешая себя тем, что таким образом сокращает количество никотина. Э.И. любил сидеть за столом, усаживая собеседника на диван, а при необходимости вставал и быстро находил на полках нужную книгу (они были расставлены в идеальном алфавитном порядке) или открывал какие-то закладки на экране компьютера, который он освоил одним из первых среди казахстанских орнитологов. Очень ценной для меня была

возможность беспрепятственно пользоваться его библиотекой – именно здесь в мои руки попали многие бесценные монографии и редчайшие статьи, хранящиеся в виде отдельных оттисков в специальных коробках. Многие раритеты гавриловской коллекции с дарственными подписями известных орнитологов хранятся теперь у меня в виде ксерокопий.

Одним из самых удивительных свойств личности Э.И. для меня осталось его умение легко относиться к своим ошибкам. Я считаю, что это качество присуще только людям с очень сильным характером, не боящимся показаться в глазах других слабыми. Если в наших беседах я позволял себе чрезмерно резкую критику в адрес кого-то из орнитологов, он всегда повторял, что ошибаются все, но не все способны это признать. Мне несколько раз пришлось убедиться в этом самом. После службы в армии я недолгое время работал в институте зоологии лаборантом и в одну из моих обязанностей, надо сказать, самую для меня приятную, входила регистрация вновь поступивших в коллекцию тушек птиц. Многие меня поймут – что может быть интереснее и важнее для фауниста, чем работа с коллекцией. Даже запах вредных для здоровья паров парадихлорбензола, которым протравливались тушки для уничтожения вредителей, имел своё особое очарование. Э.И. часто заходил в коллекционку проверить правильность моих определений, а на самом деле просто для того «чтобы поддержать птичку в руках». Не знаю точно, какой процент тушек в алматинской коллекции был изготовлен самим Э.И., но у меня всегда создавалось впечатление, что добрая половина вышла из его рук. Всегда среди сборов попадались экземпляры, которые «не определялись», и они годами лежали в отдельной коробке в протравочном ящике. Помню, как среди таких птичек я обнаружил экземпляр, подписанный рукой Э.И. – *Acrocephalus* sp. Птица в самом деле не определялась ни по каким признакам. Присмотревшись внимательней, я вдруг понял, что это никакая не камышевка. Открыв крыло, увидел большое первое маховое. Так и есть – *Hippolais*. Но как сказать об этом доктору наук? Тем не менее, я решился и на удивление моё «открытие» было воспринято с восторгом. Мы вместе определили бормотушку до вида, после чего Э.И. ещё и похвалил меня прилюдно. Я не случайно до сих пор помню этот случай, потому что он быстро охладил пыл моих юношеских амбиций и был хорошим уроком на будущее.

Звонки от Э.И. раздавались всегда неожиданно, и говорить он начинал сразу по делу. А часто и вовсе могло прозвучать: «Зайди, есть разговор». Как-то раздался такой звонок, и вскоре я уже сидел за столом в кухне Гавриловых, и Евгения Фёдоровна подавала нам чай. Оказывается, Э.И. начал готовить книгу по фауне птиц Казахстана, где предполагалось дать небольшие очерки по всем найденным у нас

видам, и большая часть текста уже была готова. Как потом оказалось, он советовался с несколькими орнитологами, в числе которых оказался и я. Дав мне распечатку, он закурил, ожидая моей реакции, но прежде добавил: «Нужны твои фотографии для иллюстраций». Я пробежал по первому очерку – название и описание птицы, ареал, характер пребывания, несколько свежих ссылок. Признаться честно, я ожидал чего-то другого, о чём сразу сказал. Мне всегда хотелось иметь подобное издание с аннотированным списком на подвидовом уровне и с тщательной проработкой всего, что было опубликовано со времени выхода «Птиц Казахстана». Э.И. сказал, что самым сложным в такой работе будет описание подвидов и посоветовал, что помощников не предвидится. Через несколько дней опять раздался звонок: «Я связался со Степаняном, он дал добро на использование его диагностики при описании подвидов». Книга «Фауна и распространение птиц Казахстана» вышла в 1999 году. Видимо, сумма, которую смог собрать автор, была небольшой, и тираж составил 335 экземпляров. Книга получилась очень полезной и содержательной – я ею постоянно пользуюсь по сей день и очень ценю.

Одни из самых ярких воспоминаний оставило наше совместное путешествие в мае 2003 года, куда Э.И. совершенно неожиданно пригласил меня. Главной задачей этой экспедиции было объехать вокруг озера Балхаш с его северной стороны вместе с группой иностранных орнитологов – с «буржуями», как их в шутку и беззлобно называл Э.И. На маршруте мы останавливались в интересных местах, ставили паутинные сети и ловили довольно много «мелочи». Команда была собрана более чем интересная: два шведа – Ларс Свенссон и Пер Альстром и англичане – Эндрю Ласси и Эндрю Грив. В путешествии мы провели почти месяц, и как всегда бывает при долгом общении в поле, гораздо лучше узнали друг друга. Довольно быстро команда разделилась на два «противостоящих» лагеря – мы с Э.И. и «буржуи». Довольно часто у нас были жаркие споры, особенно когда это касалось систематики. Но это и не удивительно, встретились две школы, часто с очень различными взглядами – русская и европейская. Мы были «на своём поле» и всячески отстаивали свои позиции. Мне было сложно общаться из-за незнания английского, но на удивление нескольких фраз и эмоциональных жестов хватало, чтобы объясняться, используя в основном латинские названия птиц. Э.И. с лёгкостью говорил с иностранцами на странном английском с явно русским произношением, ведь язык он освоил за долгие годы, реферируя англоязычные статьи по орнитологии для РЖ. Кстати, во многом это занятие определяло широту его знаний в разных областях орнитологии и выгодно отличало от коллег, знакомых только с работами на русском языке. Особенно мне нравилось наблюдать за спорами Э.И. и Ларса. Если возникал какой-то вопрос о формулах крыла или различиях географических рас, звучал чей-

нибудь призыв – «Посмотрим у Свенссона» и доставался его знаменитый «зелёный определитель», не помню какого по счёту переиздания. Если нужно было проверить распространение казахстанских видов, просили – «Посмотреть у Гаврилова» и появлялась «Фауна» 1999 года. Эта поездка обогатила мои знания многими неизвестными сведениями. Кстати, и упомянутая встреча редкой славки-завирушки расы *margelanica*, произошла именно в ту поездку на реке Лепсы. По обычаю, у всех иностранцев были отдельные палатки. Водитель с женой, исполнявшие в экспедиции также обязанности кухонных работников, жили в старом «ПАЗике», чудом преодолевшем тяготы нашего путешествия и не развалившемся где-нибудь в пути.

Мы с Э.И жили в большой палатке и по вечерам, отдыхая от общения на иностранном языке, о многом беседовали («трепались», по выражению Э.И.). Именно в эти вечера я узнал многое о жизни Э.И. – о воронежском периоде, когда он был ещё студентом, о работе в Волго-Уральском междуречье в противочумной системе и борьбе с перелётными воробьями – теме его кандидатской диссертации. Больше всего он любил вспоминать эпизоды из экспедиций с Долгушиным в Заилийском Алатау. Как-то раз он спросил моё мнение о своей монографии 1979 года о сезонных миграциях птиц, собственно, его докторской диссертации. Когда-то он подписал мне эту книгу «с пожеланием больших успехов в орнитологии». Признаться честно, мне всегда были не очень интересны арифметические выкладки в виде таблиц, которые показывали какие «группы птиц» и куда летят. Миграционной тематике были посвящены сотни публикаций казахстанцев и на самом деле в них за математическими формулировками были спрятаны очень интересные живые факты одной из сторон биологии птиц. Чтобы не обидеть автора, я стал рассуждать о том, насколько важны все эти обобщения для теоретических исследований и находить примеры того, что я смог найти для себя на самом деле интересное в многочисленных таблицах. Честно сказал, что мне интересней его совместная с Анатолием Петровичем Гисцовым книга 1985 года о Чокпаке, где есть видовые очерки. В палатке было темно и мы не видели друг друга. Не дослушав, Э.И прервал меня и без эмоций спокойно сказал: «Я знаю, что тебе всё это не интересно. Ты выбрал другую профессию – фотографию, а орнитологию оставил для души». Дальше он достаточно долго размышлял о том, что многие профессионалы могут мне только позавидовать – «ты можешь позволить себе заниматься в орнитологии тем, чем тебе самому интересно». И тогда я в самом деле впервые по настоящему задумался над этим и понял, что он прав. Э.И. продолжал говорить о том, что тоже занимался бы гнездовой биологией птиц – это всегда было ему близко. Но часто время требовало другого – вначале «чума», потом борьба с воробьями. Самым счастливым временем он назвал период

работы над «Птицами Казахстана». Потом мы много говорили о том, что и тема миграций страшно интересна, просто многое зависит от методов и умения грамотно преподнести собранные факты.

С восторгом Э.И. отзывался о новых методах в изучении миграций – применении радиопередатчиков, когда одна помеченная птица даёт информации больше, чем тысячи окольцованных. Говорили мы и об отдельной книге, в которой можно было бы увидеть не только информацию о миллионах попавшихся в сети птиц, но видовые очерки, с описанием – сколько и где было окольцовано представителей каждого вида, откуда получены возвраты и много другой информации. Подчеркнув, что в большей степени материал по кольцеванию и возвратам обработан и внесён в компьютерные программы, Э.И. сказал, что он уже не осилит этот огромный пласт и повторил одну из своих любимых фраз: «Вы молодые, вам и делать».

Несколько раз в середине 2000-х годов вместе с Э.И. мы выбирались на природу без специальной цели, просто чтобы понаблюдать птиц. В один из февральских ясных дней с лёгким морозцем мы поехали на Сорбулак, в места, где Э.И. посвятил немало времени изучению миграций. Окружающие равнины были ещё покрыты снегом, а озёра скованы толстым льдом. Место, где когда-то стоял лагерь орнитологов, давно оказался на дне водохранилища, и Э.И. пытался найти в окружающем ландшафте какие-то знакомые черты. По каким-то незримым признакам в атмосфере уже чувствовалось приближение весны. Вдруг послышалась песня степного жаворонка, и ещё не видя птицу, я с радостью сообщил об этом Э.И., наблюдавшему в телескоп за сидящими на незамерзающей полынье хохлатыми чернетями. Он посмотрел на небо, и, не увидев птиц, признался, что не слышит песни. Видимо я не смог скрыть своего изумления, так как среди белого зимнего безмолвия песня звучала особенно громко. С добродушной улыбкой он ответил: «А что ты удивляешься, я ведь плохо слышу голоса птиц». После паузы, засмеявшись, добавил: «Но ведь у нас есть орнитологи, которые их ещё и не видят». Вот тогда мне вспомнилась история с голосами пеночек, произошедшая много лет назад на Большом Алматинском озере.

Очень важным периодом в моём увлечении птицами была работа над сбором материалов для ежегодных выпусков «Казахстанского орнитологического бюллетеня», который мы вместе с Викторией Анатольевной Ковшарь издавали в 2002-2008 годах в рамках научных публикаций общества «Тетис». Прежде чем приступить к работе над изданием, надо было заручиться согласием всех орнитологов. Мы поставили перед собой задачу давать максимально полную информацию обо всех событиях, происходящих в казахстанской орнитологии в течение года. Надо признаться, что далеко не у всех эта идея сразу нашла поддержку. Одним из тех, кто полностью поддержал нас с самого начала,

был Э.И. Преимущества КЮБа он оценил сразу – масса новой информации концентрировалась в одном месте. Как раз в это время он начал готовить новую версию своей «Фауны», уже в англоязычном варианте, и выход каждого очередного выпуска КЮБа приносил ему массу свежих интересных фактов, которые он тут же вставлял в канву переработанных очерков издания 1999 года. Новые выпуски бюллетеня Э.И. всегда получал в день, когда выходил тираж, и уже вечером обязательно раздавался его звонок. Помню его лестные отзывы о структуре издания, критические замечания по поводу содержания отдельных материалов, но главное – обсуждение новых находок, которые он тут же добавлял в текст новой своей книги. Книги, которая стала роковой в конце его блестящего пути в орнитологии.

Несколько лет шла работа над новым детищем, и как-то при очередной встрече Э.И. сказал, что вчерне английский текст книги уже готов. Вторым автором стал его сын Андрей, и на него возлагалась сложная задача по изготовлению карт с ареалами всех казахстанских видов. Э.И. сетовал на то, что никто из его знакомых «буржуев» не берётся довести английский текст до нормального состояния. И это в самом деле было так, при мне в 2003 году этот вопрос обсуждался во время нашей международной экспедиции. Наконец кто-то из приезжающих на Чокпак бёрдвочеров согласился помочь и отредактировать гавриловский перевод до состояния, привычного для англоязычных орнитологов. Э.И. с энтузиазмом рассказывал мне о том, как теперь всё будет быстро продвигаться – вроде нашёлся и издатель.

Прошло не очень много времени и, по рассказам Э.И., переводчик стал пытаться навязывать свои взгляды – уже была переделана систематика, и она сильно отличалась от той, к которой мы все привыкли. Я сразу почувствовал что-то неладное, и, к сожалению, тревога оказалась не напрасной. Позвонив мне в очередной раз, Э.И. не мог сдерживать своего негодования, и, волнуясь, сказал: «Представляешь, он потребовал включить себя в соавторы». Естественно, что Э.И. отказался от этого наглого предложения. Это был вызов не только авторам, но и всей казахстанской орнитологии. В книге была представлена выжимка из публикаций за полтора века исследований десятков орнитологов, работавших в Казахстане. Естественно, что 99.9% используемой литературы была на русском языке. Переводчику попал в руки полностью переработанный и осмысленный материал многих тысяч статей, причём уже в английском, пусть и не совсем точном с точки зрения грамматики варианте.

Теперь, когда Э.И. отказался от сотрудничества, переводчик продолжил работу над книгой без его участия, причём явно форсировал её. Приходили отзывы от «рецензентов», у которых хватало совести присылать их истинному автору. Не было сомнений, что вскоре книга бу-

дет издана под чужим авторством. Что можно было предпринять в ответ? Посоветовавшись с президентом научного общества «Tethys» Романом Яценко, было решено срочно опубликовать хотя бы тот вариант, который уже был готов, без карт ареалов. В 2005 году во втором выпуске серии «Tethys Ornithological Research» появилась работа – Edward Gavrilov, Andrey Gavrilov «The Birds of Kazakhstan (abridged edition)». Была надежда, что это остановит плагиатора.

Переживания, связанные с перипетиями вокруг книги, очень пагубно сказались на здоровье Э.И. Он сильно изменился и ушёл в себя. Мне трудно представить, какое смятение творилось в его оскорблённом сознании. Было заметно, что постепенно у него стал угасать интерес к птицам. Наши встречи стали более редкими, а в беседах исчез своеобразный гавриловский задор. Конечно, он просматривал новые издания и спрашивал о поездках, новых находках, но без прежнего блеска во взгляде. И уже ни под каким предлогом не соглашался поехать вместе куда-нибудь на природу. Попытки окружающих вытащить его из затянувшейся депрессии ни к чему не приводили – Э.И. медленно угасал.

В 2007 году увидела свет новая книга «The Birds of Kazakhstan». На титуле значатся авторы – Arend Wassink and Gerald J. Oreel. Если не знать истории её происхождения, то внешне книжка производит очень хорошее впечатление – добротная и броская обложка, отличная мелованная бумага и изобилие цветных иллюстраций. Когда книга впервые попала мне в руки, я увидел в ней изменения, внесённые при «переводе», некоторые отличия в трактовках систематики и даже какие-то новые мысли. Появились и комментарии на «тетисовское» издание 2005 года. Но в основе был виден труд Э.И., вплоть до цитирования источников. Карты ареалов иностранцы сделали сами и на них очень ярко видно, насколько смутно они представляют реальное распространение казахстанских птиц. Это даже странно: в оригинальном тексте Э.И. дал подробные описания ареалов с указанием географических названий. Ещё один из очень неприятных моментов этой мерзкой истории для меня видится в том, что отмолчались даже те, кто прекрасно знал всю подноготную новой книги. Надо полагать, что для большинства западных орнитологов важно было получить на английском языке работу о птицах ещё недавно запретной для них территории, находившейся многие десятилетия за «железным занавесом». И, видимо, никому не хотелось разбираться во взаимоотношениях западного бёрдвотчера и казахстанского профессора. Нашлось немало конформистов, которые рассуждали о том, что Э.И. надо было соглашаться на соавторство, и тогда он хотя бы присутствовал в списке авторов. Один очень известный европейский орнитолог ответил мне в переписке: «Конечно, очень плохо, что всё так случилось, но ведь и переводчик многое сделал, сильно переработав текст Гаврилова». Мне вспомнился

случай в Союзе писателей Казахстана. Разбиралось дело одного достаточно известного деятеля, который опубликовал под своим именем сборник стихов талантливого поэта, сгинувшего в лагерях в страшные 1930-е годы. Когда товарищи по цеху спросили плагиатора, как у него хватило совести присвоить себе чужое творчество, он ответил, что ему настолько полюбилась чужая поэзия, что он сжился с ней и уже считал за своё произведение. Чем-то эта давняя история напоминала мне судьбу книги Э.И. Удивительно и несправедливо, что такое оказалось возможным в «цивилизованном» XXI веке, когда постоянно говорится о правах человека, в частности об авторских правах и их защите.

Столь жестокого удара судьбы не выдержал даже такой могучий человек, каким был Э.И. Ничего уже не исправить и никогда не добиться правды. Пусть это останется на совести тех, кто это натворил, кто содействовал, и кто трусливо отмолчался. Как говорится – всем воздастся по заслугам и Бог им всем судья. Тезис «Слова утешат. Раны затянутся. А честь останется навсегда», в отношении Гаврилова оказался верен только в своём последнем пункте.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск 1462: 2606-2612

Самурский дневник (памяти Алексея Васильевича Михеева, 1907-1999)

А.Г.Резанов

*Второе издание. Первая публикация в 1997**

Мне посчастливилось работать под руководством Алексея Васильевича Михеева в пяти западно-каспийских орнитологических экспедициях с 1970 по 1978 год, быть с ним на студенческой летней полевой практике в 1975 году на Селигере. В каждой экспедиции, конечно, было что-то своё, интересное, запоминающееся. Но здесь мне хочется рассказать лишь об одной экспедиции, не потому, что я её лучше других запомнил, не потому, что она была какая-то особенная, а просто потому, что она была самая первая, в которую я поехал с Алексеем Васильевичем. Мне было тогда только 19 лет, а Алексею Васильевичу 63 года.

Далеко-далеко от Москвы, на самой границе Дагестана и Азербайджана (тогда это можно было просто пройти пешком) в Каспийское море вливаются мутные воды многочисленных рукавов Самура... Именно

* Резанов А.Г. 1997. Самурский дневник // Орнитологические исследования в России (к 90-летию профессора А.В.Михеева). М.; Улан-Удэ: 14-20.

здесь с 1964 года работала орнитологическая экспедиция доктора биологических наук, профессора Алексея Васильевича Михеева.

В 1968 году, поступив на биолого-химический факультет Московского педагогического института, я услышал от Алексея Васильевича и его коллеги и соратника доцента Виталия Ивановича Орлова это загадочное слово – Самур... Я узнал, что на Самуре работает орнитологическая экспедиция по изучению пролёта птиц. Здесь, по узкому приморскому коридору – низменности с сохранившимися участками дубово-грабового лианового леса между Малым Кавказом и Каспийским морем с водно-болотными угодьями, каждый год, весной и осенью, «летят перелётные птицы», весной – к местам гнездовий на необъятных просторах России, осенью, как поётся в песне – «ушедшее лето искать», к местам далёких африканских и азиатских зимовок.

В первую экспедицию с Алексеем Васильевичем я поехал в августе 1970 года на Самур. Если быть точным, то случилось это 4 августа в 23 ч 10 мин, когда скорый поезд «Москва–Махачкала» отошёл от перрона Курского вокзала. В экспедиции я вёл записи – Самурский дневник... И вот теперь, листая пожелтевшие странички (прошло уже больше четверти века с тех пор) самарского дневника – потрёпанной записной книжки в оранжевой обложке – я с горечью осознаю, как непростительно мало в нём было написано о людях, с которыми я прожил один из самых незабываемых месяцев в моей жизни. Много времени, много воды утекло с тех пор, даже очертания каспийских берегов изменились, но память о тех далёких и незабываемых днях сохранилась. Я как бы заново окунаюсь в ту экспедиционную жизнь, заново переживаю события тех памятных дней.

До рассвета ещё далеко. В палатке, края которой подняты из-за жары (+29°C ночью), все спят. На пол из рогоза положены персональные надувные матрацы (но горе тому, у кого спускает подушка), сверху ещё спальники. Сладок сон в предрассветный час. Первым всегда, без всякого будильника (не помню, чтобы он пользовался в практике экспедиций), просыпался Алексей Васильевич... и негромко декламировал знаменитые строки из «Полтавы»: «Горит восток зарёю новой...». С первым (по идее этим «первым» должен был быть дежурный по наблюдательному пункту), кто на это хоть как-то реагировал, Алексей Васильевич заводил неторопливый разговор, иногда рассказывая что-нибудь интересное из своей жизни. Постепенно в разговор втягивались и остальные. Так, незаметно для нас самих, проходило наше пробуждение и вхождение в новый экспедиционный день.

Наша палатка находилась в 150 метрах от моря, где в нескольких шагах от уреза воды располагался нехитрый наблюдательный пункт – засидка со скамейкой, столиком, за которым удобно было вести записи и смотреть в бинокль. И самое главное, над головой была крыша из

рогоза, защищающая от солнца и дождя; в основном, конечно, от солнца, хотя и дождь здесь как-то был... Дежурный по НП наскоро одевался, брал бинокль, общий дневник для записей и спешил на пост. Отсюда минут через 20 (немногим после 5 часов) он мог видеть, как над морем, словно из воды, торжественно поднималось солнце – потрясающее, незабываемое зрелище. Дежурство длилось три часа, затем приходила смена. Тем временем дежурный по лагерю, подъём которого был также строго регламентирован, брал рюкзак с канистрой, два ведра и отправлялся, если в этом была необходимость, за водой на речку Карасу, один из многочисленных рукавов Самура. Идти надо было приблизительно 1.5 км через редкие заросли тамариска, какие-то колючие заросли и жёсткую высокую траву, увешанную белыми улитками, по песчаным дюнам, которые мы все звали «барханами», по выжженному солнцем такыру мимо застывших, как изваяние, черепах и стрелой проносящихся полосатых ящериц... Лучше было это сделать быстрее, пока не наступила настоящая жара. А потом костёр, приготовление завтрака, мытьё посуды, опять костёр... Дежурный по лагерю, несомненно, уставал больше других, хотя в дальнейшем, при определённом навыке, дежурство не приносило больших хлопот.

Иногда приезжал наш очень хороший знакомый – егерь Гаджи (человек уже в возрасте; я долго стеснялся называть его по имени), в гостеприимном доме которого мы всегда останавливались, когда приезжали на Самур или возвращались из экспедиции. Гаджи, удивительно добрый и отзывчивый человек, всегда старался скрасить нашу суровую экспедиционную жизнь. Он приезжал берегом моря на велосипеде и как-то привёз большой, почти пудовый дагестанский арбуз, который можно сравнить лишь с настоящим астраханским арбузом. Непременной обязанностью дежурного (Алексей Васильевич строго следил за этим) было пригласить гостя к столу, предложить ему горячего крепкого чая – ведь путь до нас был не близкий. Алексей Васильевич откладывал свои дела и садился поговорить с Гаджи. Обязательно к столу приглашались студенты, находящиеся в это время в лагере. Гаджи хорошо знал птиц (по крайней мере безошибочно, даже если не знал русского названия, находил их по картинке в определителе), рассказывал о местах их скоплений во время пролёта, сообщал о случаях зимовки. За такими непринуждёнными разговорами и рождались планы новых экспедиций в самые разные районы прибрежного Дагестана.

Алексей Васильевич наравне со всеми дежурил на НП, но самые первые часы нарождающегося дня предпочитал провести с удочками где-нибудь на Карасу или Подсамурке. И не просто провести – он всегда возвращался с уловом. Но самым главным, ради чего всё это делалось, скорее всего, было желание побыть одному, наедине с природой, послушать, как шуршат прибрежные тростинки, понаблюдать за жиз-

нюю птиц. И уже тогда мы стали регистрировать не только видимую дневную миграцию птиц, но и исследовать их экологию на местах временных остановок во время пролёта. И в этом – в расширении круга экспедиционных научных исследований, по-видимому, не последнюю роль сыграли утренние «рыбалки» Алексея Васильевича. Возвращаясь с таких рыбалок, Алексей Васильевич делился с нами в основном орнитологическими впечатлениями, говорил о пользе таких наблюдений, о необходимости сочетать наблюдения за самим пролётом с наблюдениями за экологией и поведением птиц на местах их временных остановок на кормёжку и отдых.

Итак, Алексей Васильевич уходил порыбачить в одиночестве. Возможно, такие часы в жизни человека много стоят. А тем временем студенты, не дежурившие с утра, нередко норовили поспать ещё пару часиков до завтрака.

Обычно сразу же после завтрака Алексей Васильевич шёл на НП сам, или посылал кого-нибудь из студентов сменить дежурного, пока завтрак не остыл. Записи Алексея Васильевича в общем экспедиционном дневнике отличались от всех других записей своей аккуратностью, точностью, исчерпанностью. Если Алексей Васильевич во время дежурства на НП видел что-нибудь особенно интересное (например, кормёжку чаек во время пролёта или попытки короткохвостых поморников отобрать рыбу у крачек и т.п.), то записывал увиденное с максимальной подробностью (в орнитологической науке краткость не всегда «сестра таланта»), поскольку каждый факт имеет значение. Алексей Васильевич словно лишний раз старался напомнить нам заповедь полевого исследователя: «Что не записано – того не было». И мы постоянно учились у него что и как надо записывать. Позднее, уже будучи аспирантом А.В.Михеева, просматривая дневники самурских экспедиций, я получил самую полную информацию по ходу пролёта и экологии птиц на остановках именно из его пояснительных записей.

Близилось время обеда, становилось жарко, пролёт совсем ослабевал. Всё наше экспедиционное общество, кроме дежурного по НП – студенты, мои сокурсники, Толя Васькин и Сергей Лаптев и, старше всех нас, студент географо-биологического факультета Владлен Фомин – к этому времени сосредотачивалось за обеденным столом под навесом. Здесь можно было посидеть в тени, поговорить, а после основного обеда, когда дежурный уже подаст чай, поделиться впечатлениями за этот день... Но основные разговоры и планы «на завтра» обсуждались за ужином, под пение цикад, а то и под завывание шакалов.

После обеда и непродолжительных застольных бесед, Алексей Васильевич немного отдыхал (иногда удавалось даже вздремнуть) в тени палатки, знакомился с нашими орнитологическими сборами, скрупулёзно проверяя правильность нашего определения, а затем уходил на

наблюдения. Без дела в экспедиции никто не сидел. И опять лагерь пустел! Оставался только дежурный убирать и мыть посуду, да кто-нибудь обрабатывать орнитологический материал.

В обед на НП было затишье. Дежурный подолгу всматривался в бинокль в качающееся у самого горизонта море, тщетно пытаясь разглядеть хоть каких-то птиц. Иногда ему везло и какая-нибудь пестроногая или речная крачка попадали в дневник. И от такого вынужденного «отдыха» дежурный по НП иной раз уставал больше, чем в часы массового пролёта, когда он едва успевал делать записи. Хотя расслабиться в такие минуты можно было, а бывало, что Алексей Васильевич на час-два совсем снимал дежурство на посту. И вот тогда можно было искупаться в море. Песок настолько раскалён, что едва успеваешь добежать до воды, а она у самого берега что-то между тёплой и горячей...

Постепенно изнуряющий дневной зной уступает место чуть менее жаркому вечеру. Но всё-таки жара спадает, а пролёт птиц, к тому же если дует лёгкий встречный ветерок, усиливается. Помню, в дни валового пролёта (правда, не в августе, а в октябре-ноябре, когда шли и гуси) Алексей Васильевич даже назначал на дежурство сразу двух наблюдателей. Второго наблюдателя он поставил и в конце августа, когда над сушей полетели серые и рыжие цапли. Не то, чтобы Алексей Васильевич первым увидел цапель над сушей за спиной наблюдателя, но вывод из этого, как надо вести наблюдения, чтобы не пропускать целую группу птиц, сделал именно он. И вот сидят два наблюдателя, но смотрят в разные стороны: один – в море, другой – в сторону гор.

День близится к концу. Солнце скрывается за горной цепью Малого Кавказа, который виден лишь в редкие утренние часы, когда воздух особенно прозрачен и чист. Начинает быстро темнеть. Заканчиваются наши наблюдения, наш рабочий день. Но день наш ещё не завершён окончательно. Время ужина. Удивительное, замечательное время, когда за экспедиционным столом, при свечах, собирались абсолютно все умиротворённые, освободившиеся от бремени дневных забот, суеты... В эти блаженные минуты за кружкой (иногда за второй) крепкого чая начинались неторопливые разговоры. Сначала они, как и водится, были о том, кто когда что видел, какие выводы сделал. Делились планами на завтра. Разговор шёл на равных – здесь не было ни профессора, ни студентов – только коллеги-орнитологи. Это была хорошая доброжелательная обстановка, в которой легко принимались конструктивные решения. Алексей Васильевич всегда внимательно выслушивал наше мнение по тому или иному вопросу, в научных дискуссиях он никогда, даже с нами – студентами, только закончившими второй курс, не давил своим авторитетом, не допускал менторского тона, и мы, в таких дружеских беседах как-то незаметно для себя учились у него той науке, которая для некоторых из нас стала делом всей жизни. Меня

всегда поражала, и продолжает поражать, способность Алексея Васильевича в огромном море информации безошибочно найти (слово «угадать» здесь нельзя употребить) то основное, главное, что и является сутью наблюдаемого явления, изучаемой проблемы.

Но вот отшумели научные споры, сброшены доспехи и беседа течёт по руслу разговоров «за жизнь». Открыв рты, мы внимали каждому слову Алексея Васильевича, которого между собой мы звали просто и уважительно Михеич (уже позже я узнал, что так называл его друг и учитель Георгий Петрович Дементьев). А рассказать Михеичу, много повидавшему за свою жизнь, было что... В тихие южные вечера мы, внимательно следя за нитью рассказа, переносились то в далёкие 30-е годы, когда Алексей Васильевич на Севере изучал белую куропатку (послушать только, как он туда добирался!), то в уникальный Наурзумский заповедник, то в Кызыл-Агач, где мы к тому времени уже успели побывать, то в загадочный Китай, где А.В.Михеев проработал целых два года. Трудно передать, с каким интересом всё это воспринималось нами, и кто знает, какие мечты рождались тогда в наших головах...

Ну, конечно, у костра была и гитара – Толик Васькин, одержимый орнитологией, но внезапно бросивший её. Толик что-то наигрывал и пел под гитару. Недавно в его репертуаре появились ленинградские песни («Высохнут бульвары на Васильевском...»), заимствованные у туристов из Ленинграда, которые как-то приходили к нам на огонёк. Сергей Лаптев – мой друг по всем каспийским экспедициям, позднее написавший у Алексея Васильевича дипломную работу по пролёту чайковых на Западном Каспии. А когда Владлен Фомин низким красивым голосом пел русские романсы, слушали все. Так проходили незабываемые самурские вечера. И кто точно скажет, как много значат в нашей жизни такие минуты... И уже позже, в 1974 году, но тоже в августе, перед самым отъездом с реки Самур, сидя за таким же столом с А.В.Михеевым, В.И.Зиновьевым, Сергеем Полозовым и Борисом Мартеньяновым, я попытался осмыслить происходящее:

Ночь при свете свечи
Только цикады поют.
Слушай, пиши, молчи
Ты только гостем тут.
Бьёт по навесу дождь,
Лёгкий, как паутина.
Тихая южная ночь,
Как у Куинджи картина.
В эту прощальную ночь
Хочется быть построже.
Хочешь увидеть всё,
Только уже не можешь...

Неумолчно, до звона в ушах, поют цикады, а на иссиня-чёрном ковре ночного неба призывно горят огромные южные звёзды. Тоскуя по дому, мы выходим из палатки и смотрим на далёкую Полярную звезду, зная, что дома в Москве будем вспоминать эту незабываемую самурскую ночь.

Но все равно наступит утро и мы увидим, нет, сначала услышим от Алексея Васильевича, что уже «горит восток зарёю новой». Значит, начинается новый день...

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск 1462: 2612-2614

Гнездящиеся гусеобразные торфоразработок Восточного Верхневолжья

Д.Е. Чудненко

Второе издание. Первая публикация в 2005*

Важным полезным ископаемым, имеющим промышленное значение в Восточном Верхневолжье, является торф. Основная добыча его велась в 1940-1960-е годы. В 1980-1990-е годы наблюдалась депрессия торфодобычи. В последнее время разработка торфяных месторождений возобновлена. В связи с этим актуальным становится вопрос о самовосстановлении выработанных месторождений в ходе зарастания и роли торфоразработок в сохранении биоразнообразия. Большое значение старые торфоразработки имеют для околотовных и водоплавающих птиц и, в первую очередь, для гусеобразных.

Исследования проводились на территории Ивановской области на фрезерных полях и торфяных карьерах разной степени посттехногенного зарастания, где были заложены учётные площадки.

За время исследования на торфяных разработках нами было отмечено на гнездовании 10 видов гусеобразных: свиязь *Anas penelope*, чирок-свистунок *Anas crecca*, кряква *Anas platyrhynchos*, шилохвость *Anas acuta*, чирок-трескунок *Anas querquedula*, широконоска *Anas clypeata*, красноголовый нырок *Aythya ferina*, хохлатая чернеть *Aythya fuligula*, гоголь *Bucephala clangula*, луток *Mergellus albellus*.

Фауна гнездящихся утиных птиц различается в зависимости от типа торфяных разработок. В динамике авифауны торфяных полей в це-

* Чудненко Д.Е. 2005. Гнездящиеся гусеобразные торфоразработок Восточного Верхневолжья // Гусеобразные птицы Северной Евразии: тез. докл. 3-го международ. симп. СПб.: 281-282.

лом отмечена смена экологических группировок птиц в зависимости от характера зарастания поля. Обязательным условием для гнездования утиных птиц на фрезерных торфопеработках является наличие хорошо развитого травостоя и, в меньшей степени, наличие водоёма. Травянистый покров обеспечивает хорошую защиту для гнёзд, а наличие водоёма, довольно кормного, позволяет не уводить далеко птенцов после вылупления. Нами на гнездовании были отмечены только представители подсемейства речных уток: кряква, шилохвость, свиязь и чирки (свистунок и трескунок). Вероятным гнездящимся видом торфяных полей является серая утка *Anas strepera*, неоднократно отмечавшаяся нами на комплексе торфяных полей «Сахтыш-Рубское», однако её гнездование именно на полях подтверждено не было.

Речные утки гнездятся на полях с плотностью 0.6-3.3 пар/10 га и на общем фоне остальных птиц являются малочисленными гнездящимися видами торфяных полей.

Несколько иначе выглядит картина на торфяных карьерах. Наличие более крупных и глубоких, по сравнению с фрезерными полями, водоёмов, постепенно зарастающих водной и околоводной растительностью, обуславливает большее разнообразие фауны утиных. Здесь отмечены на гнездовье все вышеупомянутые 10 видов гусеобразных.

На территории Восточного Верхневолжья располагаются карьеры, находящиеся на разной степени посттехногенной сукцессии. Изучение авифауны различных карьерных комплексов позволило нам проследить постепенную динамику населения утиных в ходе зарастания.

Поскольку выработка торфа карьерными способами (гидроспособ, экскаваторный) была прекращена в 1960-х годах, мы не смогли проследить динамику авифауны с самых начальных стадий зарастания карьеров. Можно предположить, что изначально отсутствовавшие на торфопеработках утиные птицы в связи с постепенным зарастанием водоёмов и их берегов начинают там гнездиться. В ходе дальнейшего зарастания плотность населения гусеобразных увеличивается, достигая определённого пика. На стадии, когда водоёмы ещё не начинают покрываться сплавиной и изобилуют мелкими островками, густой растительностью по берегам и т.п., видовое разнообразие утиных птиц на них наибольшее. Здесь отмечены как нырковые, так и речные утки, при доминировании первых. В связи с постепенным зарастанием водоёмов и сокращением площади водного зеркала существенно падает численность нырковых уток и возрастает доля речных. Наиболее многочисленными видами утиных на торфокарьерах являются кряква и хохлатая чернеть. Изменение численности этих двух видов обратно пропорционально. На более молодых карьерах доминирует хохлатая чернеть (31% населения всех уток), субдоминант – кряква (15.5%), при постепенном зарастании карьеров доля хохлатой чернети снижается

(22%), кряквы же, наоборот, возрастает (18.5%). На сильно заросших карьерах несомненным доминирующим видом гнездящихся гусеобразных является кряква (40%), в то время как хохлатая чернеть переходит в разряд субдоминантов, наряду с широконосой (20%). В связи с зарастанием постепенно исчезает с карьеров и другой вид нырковых уток — красноголовый нырок, и на зарастающих торфокарьерах остаются только речные утки.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск 1462: 2614-2615

Новый район зимовки урагуса *Uragus sibiricus* на восточном побережье Каспийского моря

Ф.Ф.Карпов, В.А.Ковшарь

Второе издание. Первая публикация в 2011*

Зимовки урагусов *Uragus sibiricus* на территории Казахстана расположены главным образом в предгорной полосе и в долинах рек юга и юго-востока республики. Реже, но относительно регулярно, эти птицы зимуют в Центральном Казахстане. Самой крайней западной точкой встречи урагуса в Казахстане является долина реки Урал, где близ села Чапаево 12 ноября 1958 добыта залётная самка (Кузьмина 1974).

Для территории Мангышлака и Устюрта до настоящего времени этот вид не отмечался (Зарудный 1896; Бостанжогло 1911; Пославский и др. 1964; Ерохов, Белялов 2007). При регулярных наблюдениях в течение нескольких зимних сезонов (2008/09, 2009/10, 2010/11 и 2011/12 годы) в прибрежной полосе Каспийского моря протяжённостью 200 км, от Форта-Шевченко на севере до Курыка (залив Ералиево) на юге, урагусы отмечались нами практически ежегодно в следующих местах: 13 января 2009 — 5 особей в саду у дома-музея Т.Г.Шевченко; 14 января 2009 пара птиц у термальных источников южнее озера Караколь, и двух одиночных урагусов видели 15 января 2009 на приморских пустырях города Актау. 14 января 2010 один самец встречен на городском пляже города Актау, а на следующий день, 15 января, два самца урагуса держались в зарослях старого городского парка (Ковшарь, Карпов 2009). На следующую зиму урагусов наблюдали: 11 декабря 2010 одного самца в саду Форта Шевченко, 12 декабря ещё одного самца на

* Карпов Ф.Ф., Ковшарь В.А. 2011. Новый район зимовки урагусов на восточном побережье Каспия // *Selevinia* 2011: 219.

берегу озера Караколь и 13 декабря четырёх птиц встретили на городских пустошах города Актау. В январе 2011 года урагусов видели: 10 января – 2 птиц на озере Караколь; 11 января одиночку в саду у мыса Песчаный и стаю из 16 особей отметили 13 января на городском пустыре в районе морского порта. В последнем месте три птицы держались и 9 февраля 2011.

Таким образом, за три зимних сезона мы отметили урагусов 12 раз в самых различных участках побережья – от Форта Шевченко на севере до мыса Песчаный на юге. Большинство встреченных нами птиц держалось в разреженных кустарниках тамариска и лоха, реже в тростниковых зарослях. Однако во время аналогичных зимних учётов 2011/12 года мы не встретили урагуса ни разу.

Обнаружение урагуса на зимовке на восточном побережье Каспийского моря (Казахстанского сектора) может быть объяснено двумя причинами. С одной стороны, на рассматриваемой территории длительное время регулярных зимних наблюдений не проводилось, а ввиду ещё и нерегулярности его нахождения здесь в зимнее время его могли не встречать эпизодически появляющиеся здесь исследователи. С другой стороны, более вероятно, что зимовка урагусов в этом районе – явление относительно недавнее, вызванное в последнее время смещением гнездовой части ареала вида к западу. С уверенностью можно сказать, что урагус в настоящее время является нормально зимующей птицей восточного побережья Каспия, хотя его появление или численность в тот или иной год может зависеть от климатических или других причин.

Л и т е р а т у р а

- Бостанжогло В.Н. 1911. Орнитологическая фауна Арало-каспийских степей // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*. Отд. зоол. **11**: 1-410.
- Зарудный Н.А. 1896. Орнитологическая фауна Закаспийского края (Северной Персии, Закаспийской области, Хивинского оазиса и равнинной Бухары) // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*. Отд. зоол. **2**: 1-555.
- Ерохов С.Н., Беялов О.В. 2007. Наблюдения за зимующими птицами в Мангистауской области // *Каз. орнитол. бюл.* **2006**: 9-10.
- Ковшарь В.А., Карпов Ф.Ф. 2010. О зимней фауне птиц побережья Мангистау (Мангышлак) // *Selevinia* **2009**: 133-142.
- Митропольский О.В. 2011. Зимняя фауна птиц полуострова Мангышлак: изменения за 120 лет // *Selevinia* **2010**: 83-92.
- Пославский А.Н., Постников Г.Б., Самарин Е.Г. 1964. О зимовках птиц в Северном Прикаспии и на Мангышлаке // *Охотничьи птицы Казахстана*. Алма-Ата: 157-180.

